

УДК 141.113

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ КЛАССИФИКАЦИИ VS ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ

С.А. Гашков

ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет
«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова», г. С.-Петербург

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.279

В статье ставится вопрос о классификации знания как философской проблеме, и сопоставляются некоторые подходы, имеющие место в философии науки (Кедров, Мейен) с подходами, распространёнными во французской эпистемологии (Гобло, Мейерсон, Кангийем), и особенно «постструктурализме» второй половины XX в. (Барт, Деррида, Делёз, Лакан, Фуко, Касториadis). Автор приходит к выводу, что классификация в истории философии присутствует в нескольких связанных друг с другом смыслах: классификации наук, критического концепта «классификации» и классификации (периодизации) самой философской мысли.

***Ключевые слова:** философская проблема классификации знания, философия науки, французский постструктурализм.*

Постановка вопроса о единстве и классификации научного знания рано или поздно приводит к осознанию особого статуса социогуманитарного знания, имеющего дело с творческой субъективностью человека, от оценки онтологического «статуса» которой в соотношении с объектно-ориентированным естественнонаучным знанием во многом зависит порядок всей классификации. В этом смысле, особый интерес представляет традиция структуралистской и постструктуралистской философии, выстраивающаяся на убеждённости в особой роли «наук о человеке» (социально-гуманитарного и медико-биологического знания).

Проблема классификации в постструктурализме имеет три взаимосвязанных аспекта:

- 1) анализ концепта классификации, осуществляемый самими представителями «постструктурализма»;
- 2) классификация и периодизация самой философии постструктурализма;
- 3) вопрос о возможности постструктуралистской классификации наук.

«Постструктурализм» в философии представляет собой некоторый исследовательский «миф», оказавшийся весьма плодотворным для характеристики философских течений «постмодернистской» эпохи. Ключ к раскрытию научного содержания «постструктурализма», на наш взгляд, лежит не только в сравнении французского и американского ва-

© Гашков С.А., 2021

рианта того, что принято называть этим термином, но и в его сопоставлении с коэволюцией, конвергенцией и дивергенцией отечественной мысли в послевоенный период. Убедительным примером такого анализа служит, на наш взгляд, монография Е.В. Бакеевой «Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили» (2015), в которой автор проводит идею о постструктурализме как об утверждении «невозможности мысли». «Собственно, сама приставка пост- применительно к пост-структурализму, – пишет Бакеева, связана прежде всего с открытием и утверждением невозможности для мысли не только начаться, но и существовать, т. е. – пребывать в настоящем. <...> Постструктурализм проблематизирует саму возможность встречи мысли с тем, что мыслится, с тем, к чему она обращена как к своему “объекту”» [1, с. 43]. Иначе говоря, классификация в постструктурализме отображает то содержание, которое уже было так когда-то помыслено, которое невозможно мыслить, поскольку невозможно мыслить иначе. Прежде чем классифицировать, мы должны «проблематизировать» саму способность к классифицированию.

1. Классификация наук и основания синтеза научного знания

Основания отечественной теории классификации закладывает Е.И. Шамурин (1889–1962), написавший «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации» в 2-х тт. (1951–1952), в которых он дал глубокий анализ классификаций наук, известных ещё с древности.

Крупнейшей работой по истории и философии классификации выступает работа отечественного учёного Б.М. Кедрова (1903–1985), создававшего свой фундаментальный труд «Классификация наук» в течение 15 лет. Этот философ последовательно развивал материалистические идеи о классификации наук, высказанные в своё время Ф. Энгельсом. Кедров исходил из той мысли, что при классификации принципиально важным является то, как исследователь определяет субъект и объект исследования. В истории классификации наук он показывает движение от субъективных оснований (рассудок, память, воображение), свойственных ранней философии Нового Времени, к объективным основаниям единства научного знания (ставшему возможным, согласно Кедрову, лишь благодаря марксистской диалектике природного и общественного, нашедшей воплощение в принципе историзма).

Основным принципом для классификации наук Кедров видит движение от координации (соположения) к субординации (внутреннему соподчинению). «Отсюда иерархический ряд наук выступает как восходящий от низшего к высшему, от простого к сложному, отражая прин-

цип развития. При этом «низшее» выступает в высшем как подчинённое, побочное, «снятое», превзойдённое этим высшим» [5, с. 40].

Наконец, дальнейшая интеграция наук происходит благодаря их дифференциации. «В итоге общая классификация наук приобретает исключительно сложный, разветвлённый характер, сменивший былую её простоту и однолинейность. В сущности, она представляет теперь собою переплетение всех наук, их сеть, в которой самые отдалённые друг от друга науки могут обнаруживать прямую стыковку...» [5, с. 47]. Тем не менее, подобную картину, которую можно наблюдать в современных науках о природе, трудно проецировать на науки о человеке. Кедров видит будущее единой науки о мире в многомерности классификации научного знания. В будущей науке принцип функциональности будет подчинён принципу субстратности, то есть один объект будет изучаться сразу многими науками, как, например, феномен «преступности» может изучаться совершенно различными дисциплинами.

Синтетический характер научного знания обеспечивается качественным единством противоречащих друг другу положений в познаваемом предмете, пусть даже открываемый закон природы не носит, с виду, диалектического характера. Так, эволюционная теория Дарвина не является простым соединением катастрофизма Кювье с теорией эволюции Ламарка.

Процессы синтеза наук могут быть «внутренними» и «внешними». К «внутренним» относится формирование «промежуточных» дисциплин: биохимии, биофизики, астрофизики и т. д. Существование «трёх основных областей наук» обеспечивается существованием «трёх основных областей мира»: природы, мышления и общества. Общая наука – это материалистическая диалектика, которая «охватывает» все три области «законами движения». «В итоге мы получаем «треугольник наук, в котором свое наиболее общее выражение внешний, междисциплинарный синтез всех наук вообще» [5, с. 87–88]. Внешний синтез естественных и общественных наук осуществляется благодаря наукам техническим.

Прежняя раздробленность наук, ограниченных своими предметами, преодолевается уже в XIX в. Так, иерархическое отношение «биология... история» в трудовой теории антропогенеза Энгельса приобрело значение разных ступеней существования человека: биологической и социальной.

Как определяется место гуманитарных наук в объектно-ориентированной системе классификации научного знания? Нельзя забывать, что Кедров исходит из представления о движении знания от абстрактного к конкретному и о синтезе как о единстве противоположностей. Таким образом, обрисовываются три класса знания, отражающие специфику диалектики субъективного и объективного: естественные науки (в которых происходит «элиминация» субъективного), техниче-

ские (в которых, помимо объекта присутствует цель исследователя) и общественные (в которых «субъект органически входит во всё их содержание» [5, с. 127]).

Кедров настаивает на принципиальной познаваемости мира в его комплексности и гармоничной совокупности, все классы наук имеют единую объективную основу, субъективность в научных понятиях предстаёт как форма, а объективность – как содержание. «Результаты естественно-научного познания строго объективны по своему содержанию и субъективны по форме своего выражения» [5, с. 156]. Иными словами, субъективность – это не «мера всех вещей», субъект сам конформен прогрессу естественных наук, чем больше мы знаем о природе, тем более объективно мыслит субъект, избегая «извращённых» форм, навязанных «буржуазией».

Второй и третий классы наук, т. е. класс общественных наук и класс наук о мышлении объединяются в класс гуманитарных наук или наук о человеке. Это означает, что объективное и субъективное представляют собой два момента концентрического устройства научного знания. Концепциям линейной классификации наук Кедров противопоставляет спиралевидную классификацию наук, основанную на идее единства двух сторон логики: объективной и субъективной, «логики вещей» и «логики мышления». Итак, из ознакомления с его системой мы можем сделать тот вывод, что речь идёт о наукоцентричной и объектно-ориентированной модели, в которой не проводится систематического различия между антропологической и физико-математической «реальностью».

Такого рода материализм не оставляет места для «абсолютной случайности» как основания абсолютного Сознания. Отечественный биолог и философ науки С.В. Мейен объявляет абсолютную случайность «одним из свойств христианского Бога-творца». Такого рода классификация строится на концепции *процессуального* времени, созданной Мейеном на основании его палеоботанических исследований. Основная идея, которую мы можем выделить из этой био-онтологической концепции состоит в том, что формирование таксонов (крупных классов живых существ) происходило на Земле на основании «невидимого фундамента», обеспечивающего всё большее усложнение жизненных процессов: физических – химических – минеральных – органических – рефлексивных. С точки зрения официального марксизма, которого придерживался Кедров, все эти процессы представляли собой виды равномерного процесса («движения материи»), но, согласно христианскому взгляду Мейена, эволюция является сложным, градиентным процессом, носящим пирамидальный характер, бытийная иерархия носит также аксиологический характер, нередуцируемость индивидуального сознания к чему-то более общему находит своё законное оправда-

ние, а не сливается в круговорот диалектики «объективного» и «субъективного», как то предполагал марксизм.

В такого рода классификации точность естественных наук и субъективизм наук о человеке приобретают другой смысл. «Если физики имеют дело с изначальным полюсом процессуальной бытийности, где царит почти абсолют в масштабе Вселенной, то исторические науки, особенно науки о человеке, имеют дело с противоположным полюсом процессуальности, где локальность и уникальность сложнейших процессов достигает максимума, а соответствующая им гносеологическая упорядоченность и предсказуемость сокращается до минимума» [6, с. 75]. Точность наук о математических объектах и элементарных природных элементах (таких как ген) объясняется сложным пирамидальным устройством бытийной процессуальности. «Иерархия таксономических групп так или иначе есть отражение неравномерности (процессуальности) эволюции. <...> *Иерархия – это структурная ипостась древовидной модели сложного процесса.* Чем сложнее динамика процесса, тем гносеологически труднее подобрать ему адекватную статическую структуру – таксономическую иерархию» [6, с. 76]. Математическая модель иерархии является самой бедной категорией, поэтому естествознание является точной наукой. Последний этап эволюционного процесса стремится к Абсолюту, хотя и не есть сам Абсолют. Это объясняет особый статус наук, имеющих дело с человеческим сознанием и с индивидуальностью: исторических и гуманитарных наук. В этой перспективе, субъективность и «неточность» гуманитарного знания не есть его недостаток, который нужно «преодолевать» в диалектической, объектно-ориентированной логике. Это – особый тип мышления и познания, имеющий дело с индивидуальными сущностями, имеющими более высокий иерархический и аксиологический статус, чем элементарные частицы или древовидные структуры.

2. Французская послевоенная философия и проблема классификации знания

Вопрос об особом статусе социо-гуманитарных и медико-биологических наук в классификации знания является определяющим для французской послевоенной философии. Тема классификации наук обсуждается во Франции, начиная со времён О. Конта. Именно Конт предлагает разработку классификации научного знания, построенную на принципе восхождения от самого простого и общего к более сложному и специфическому: «математика-астрономия-физика-биология-социология». Философ и логик Э. Гобло (1858–1935) в своей диссертации «Эссе о классификации наук» (1898) утверждает о существовании «непрерывности» между биологией и социологией, определяя особое место знанию о жизни в системе наук. Законы дедукции, характеризу-

ющие другие науки, могут быть применены к био-социальному знанию лишь в отдалённом будущем. Этой же мысли придерживался знаменитый эпистемолог Э. Мейерсон (1895–1933), считавший, что Гегеля понимают неправильно, когда полагают, что он стремился заменить эмпирические знания спекулятивными. Диалектическая логика по Мейерсону является «идеалом научного рассуждения», которого научное знание пока не достигло. Г. Башляр уделяет особое место классификации периодических элементов Д. Менделеева, подчёркивая тот момент, что данная классификация является конструкцией, имеющей определённую эмпирическую базу. Ж. Кангийем развивал идею о конституирующем характере медико-биологических норм, оказавшую влияние на раннее творчество М. Фуко. Тем самым, он по-своему замыкает круг вопросов о взаимосвязи общества и жизни, поставленных в своё время О. Контом.

Для структурализма ведущим определением классификации выступает определение языка как классификации, произведённое его основателем, швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром. Язык как алгебраическая система отношений элементов классифицирует действительность. Другим источником (пост)-структуралистской концепции классификации послужила структуралистская этнология К. Леви-Стросса, считавшего, что первобытные люди и представители разных культур по-своему классифицируют действительность.

В рамках (пост)структурализма вопрос о классификации поднимает, в частности, Р. Барт (1915–1980). Барт отходит от естественно-научного толкования проблемы классификации, выделяя исключительно классификации лингвистические, которым он придаёт социально-детерминирующую функцию. Средством преодоления лингвистической классификации выступает по Барту индивидуальная трансгрессия.

С точки зрения Ж. Деррида, типологии (классификации) языков, начиная с Боппа до структурализма, платят дань метафизике и «логоцентризму» западноевропейской цивилизации. «В языке, в системе языка нет ничего, кроме различий. Таксономическая операция, следовательно, может предпринять систематическую, статистическую и классификационную их опись [3, с. 389]» – пишет Деррида. Чтобы передать несубстанциальный характер формирования таксономических различий, Деррида вводит знаменитый термин «различание» (*différance*). Метафизическое мышление остановилось перед оппозицией таксономической структуры и генезиса: различание позволяет его преодолеть. Если мы понимаем классификацию элементов языка не как систему онтологически иницированного присутствия, а как систему «различания», то тем самым мы преодолеваем привычные отношения активности-пассивности, причины-следствия, определённости-неопределённости и т. д. [3, с. 391]. Примером работы по различанию может послужить генеалогия Ницше, противостоящая метафизической грамматике как таковой.

Вопрос о новой классификации наук затрагивает известнейший психоаналитик и философ Ж. Лакан, в частности, в работе «Функция и поле языка и речи в психоанализе». В наши дни пришло время переосмыслить классификацию наук, сложившуюся в XIX в., провозглашает Лакан. Ошибка позитивистов состояла в том, что, поставив гуманитарные науки над всеми остальными, они тем самым «подчинили их». Современный субъект теряет свою идентичность в объективизациях дискурса. Творческая личность оказывается «сверхопределена» и требует переосмысления научной иерархии. И пионерами в этом деле оказываются лингвистика и этнология, выдвинувшие понятия фонемы и мифемы. «Отныне уже невозможно, – пишет Лакан, – не сделать общую теорию символа осью новой классификации наук, в которой науки о человеке вновь займут свое центральное место как науки о субъективности» [7]. Смысл психоанализа видится Лакану в установлении не объективирующего, а субъективирующего отношения субъекта с самим собой через ту символизацию, через которую психоанализ прочитывает его бессознательное. В отличие от классификации Кедрова такой подход выигрывает тем, что ключевую роль в нём играет понятие субъективности. Однако христианский эволюционизм Мейена нам кажется более продуктивным, чем индивидуализм Лакана.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о классификации в творчестве М. Фуко. Выделяя в истории западноевропейской цивилизации три «эпистемы»: Возрождение, «классическую» эпистему XVII-го – начала XVIII-го вв. и «современность» XVIII-XIX-го вв., философ прямо указывает на то, что классифицирование в «классическую» эпоху происходило согласно внешним таксономическим признакам, тогда как начало эволюционной биологии было положено вместе с классификацией согласно функциям живого как такового, причём это последнее было совершенно чуждо «естественной истории» классиков. Таким образом, классификация обнаруживает в себе «эпистемологический разрыв»: классическая таксономия времён Линнея и современная биология, начиная с Кювье, противоречат друг другу и не являются логическим следствием одно другого.

Если говорить о творчестве другого крупного представителя постструктурализма Ж. Делёза, то ближе всего к проблематике классификации оказывается его совместное с Ф. Гваттари сочинение «Тысяча плато» (1980). Здесь авторы развивают, в частности, идею «ризомы» («корневища»), представляющего собой, по сути, «сборку» (agencement), которую они противопоставляют древовидной иерархии (впрочем, вспомнив Мейена, можно утверждать, что древовидность – это лишь второй этап иерархии, начинающейся с элементарных частиц и идущей к более сложным органическим формам, таким как популяция). Примером такой «ризомы», согласно Делёзу, могут выступать отношения «оса-орхидея» или «лошадь-человек-лук», т. е. взаимообраз-

ные («мутуальные») отношения, не выводимые из одного «вертикального» источника. Сборка не включает в себя ни инфраструктуру, ни сверхструктуру (т. е. в ней нельзя различить «базис» и «надстройку») [2, с. 151]. Как мы видим, Делёз и Гваттари принципиально не различают между собой биологические, экономические и лингвистические термины, прибегая к собственной терминологии, которая отражает в себе работу предшествующих им французских философов, например, Фуко. Сборка, очевидно, показывает горизонтальную и неиерархическую связь между сферами гуманитарного знания, «ризоматическую модель», «по ту сторону» эпистемы Фуко. Так, идеи авторов о лингвистике живо напоминают тех лингвистов XX в., которые стремились упразднить различие между семантикой, грамматикой и прагматикой (в пользу прагматики), но авторы хотят идти дальше, подвергая критике линейный механизм порождающих грамматик Хомского.

Другой важный термин здесь – становление. Структурализм Леви-Стросса анализирует серию (например, ритуальное становление-животным в первобытных культурах) и структуру (тотем), отдавая предпочтение последней, как основанию «подлинной классификации» [2, с. 390]. Становление авторы определяют как прогрессирование и регрессирование согласно серии. Рамками структурной классификации становления в структурализме оказываются мифы, и они, согласно Делёзу и Гваттари, не фиксируют «блоки становления». Идеи авторов живо напоминают неозволюционистские теории, связывающие эволюцию видов с экологической нишей популяций, но авторы хотят идти дальше, отказываясь рассматривать видовую наследственность как таковую. Они считают «абсурдной» идею иерархии между «стаей» и «популяцией» животных. Становление подразумевает не только эволюцию, но и «инволюцию», не только дифференциацию, но и движение в сторону индифферентированного. «Становление – это ризома, – пишут они, – а не классификационное или генеалогическое древо» [2, с. 393]. Таким образом, если современный эволюционизм только подвергает сомнению градуальность (последовательность незаметных изменений), о которой писал Дарвин, определяющую роль «борьбы за существование», и исключительно дивергентный характер эволюции, то Делёз и Гваттари прямо говорят о становлении, которое может быть как эволюцией, так и «инволюцией», как прогрессом, так и регрессом.

Кроме этого, авторами затрагивается интересный теоретический момент, который теория классификации часто упускает. Ещё историк науки М. Серр (1930–2019) заметил, что необходимо написать историю классификаций, чтобы показать, насколько многообразие классификаций развеивает представление об однообразном взгляде человека на природу и самого себя. Структуралистами был изучен тот факт, что классификации характеров людей длительное время проводились в соответствии с образами животных, вплоть до сравнения внешних черт

человека и того или иного животного (зайца, лисы, волка и т. д.). Классификации человеческих характеров, недостатков и пороков часто проводились на основании сравнения с фактами из «естественной истории». Также, классификации животных не могут рассматриваться в отрыве от их отношения к человеку. Внутрикласификационные отношения человека и животных никогда не были «нейтральными». «Общество и Государство нуждаются в животных характеристиках для классификации людей; естественная история и наука нуждаются в характеристиках для классификации самих животных», – заключают Делёз и Гваттари [2, с. 393–394].

Классификации авторы предлагают, поэтому, производить, не в связи только с типами самих животных, а в связи с «разными состояниями, которыми они интегрируются в семейные институты, аппараты Государства, машины войны и т. д.» [2, с. 400]. Отождествляя себя с животным, человек отождествляет себя со множественным, ведь имя животного – это имя для стаи, а не для индивида. В этой связи возникает вопрос об имени, как о пределе классификации. Множество, согласно авторам, определяется не входящими в него компонентами, а «линиями и измерениями, которые она охватывает в «интенсивности» [2, с. 404]. Таким образом, можно сделать вывод, что собственное и видовое имя – это вещи разного порядка. Собственное имя изымает индивида из серии становления, а видовое – к нему относит. «Собственное имя не указывает на субъекта; и существительное не принимает на себя смысл собственного имени как функции формы или видов» [2, с. 435].

Можно сделать вывод, что существительное обозначает не форму или вид, как совокупность компонентов, а интенсивность становления или подвижную границу этой интенсивности, которая включает в себя все возможные аномалии. Классифицирование – это своеобразная номинация, в ходе которой мы мыслим древовидную, иерархическую форму неких единиц, компонентов или сущностей, которые, на самом деле, представляют собой имя, выражающее интенсивность динамики процессов становления, направление которого мы, согласно данным авторам, не в силах предсказать. Тем самым, авторы хотят нанести очередной удар представлению о поступательном характере развития европейского *ratio*, противопоставляя ему неоницшеанские идеи о непредсказуемости становления.

Такой «номиналистический», анти-иерархический и анти-эссенциалистский вектор во французском постструктурализме был задан изначально и прослеживается в работах Барта, Деррида, Фуко, Лакана или Делёза, не вдаваясь в подробности их разногласий, несовпадений и различий. При этом, более детальной разработки отношений между регионами знания и практики мы у них, на наш взгляд, не обнаруживаем. Проблема классификации, в том виде, в каком она ставится Кедровым или Мейеном, ими прямо не рассматривается. Классификация для них выступает вторичным концептом в их полемике со спекулятивным рационализмом.

Альтернативной фигурой во французском постструктурализме выступает, на наш взгляд, греческо-французский мыслитель Корнелиус Касториадис (1922–1997). Значительное место в его творчестве занимает полемика с постмодернизмом в философии, который он считает бесперспективным. Его собственная постструктуралистская критика направлена не на структуры мышления, а на аргументы самих структуралистов, постулировавших наличие этих структур. Аргументу Соссюра о классифицирующем характере языка Касториадис противопоставляет следующее: пусть язык представляет собой иерархию кодов, но «значения не поддаются алгебраизации. Не существует алгебры значений, поскольку не существует элементов или атомов значений, а также детерминированных операций, управляющих “производством” значений на основе подобных элементов и атомов...» [4, с. 275]. Исключение составляет биологическая и подобная ей классификация, которая не является творчеством значений в том смысле, в каком им выступает естественный язык.

Аргументу Леви-Стросса о классифицирующих первобытных (мифологизирующих) культурах Касториадис противопоставляет следующее возражение: «Подавляющему большинству типов известных обществ, обществ мифообразующих, данность не представляется логически неполной – не потому, что им удается классифицировать все, что поддается классификации; как и не потому, что их классификации логически полны и завершены, а потому что эти полнота и завершенность не являются для них критерием». Касториадис считает, что «попытка точного разграничения функционального, воображаемого, символического и рационального... наталкивается на невозможность придать этому разграничению ясный последовательный смысл» [4, с. 182]. Воображение для общества значит не меньше, чем функциональность или рациональность.

Рассуждения Касториадиса – субъектно-ориентированы, они вращаются вокруг вопроса о рациональной институционализации общественных отношений. Институционализация общественных отношений носит сложный онтологический характер. «Онтологическое творение, которое представляет собой институционализация общества, опирается на пласт уже имеющегося в наличии» [4, с. 288]. Классифицируемый обществом слой органической (растительной и животной) жизни представляет собой собственную материю данного общества, которую данное общество классифицирует, иерархизирует и т. д. Но и сам человек «группирует» себя в роды и виды, пользуясь практически той же иерархизирующей логикой, которую он применяет к природе. Таким образом, то единство Природы и Мышления, о котором шла речь выше, оказывается не «диалектической», а той же «аристотелевской» логикой множеств и иерархий, переносимой с природы на общество и историю.

Заключение

Благодаря обзору разнообразных взглядов на классификацию, развивавшихся как в традиционной философии науки (Кедров, Мейен), так и в философии постструктурализма (Барт, Деррида, Лакан, Фуко, Делёз, Касториadis), нам удалось обрисовать сложность философской постановки проблемы классификации. Помимо проблемы классификации в частных науках (биологии, лингвистике, экономике и т. д.), существует философская проблема классификации. При этом она может быть поставлена двояко, в зависимости от того, как мыслится философия. Если мы предполагаем, что философия представляет собой теорию научного знания, то классификация наук оказывается некоей общей философской логикой знания, проникающей во все области знания и объединяющих их между собой, «наукой о науке» или «наукоучением». Причём она может быть как объектно-, так и субъектно-ориентированной. Если же мы видим в философии, прежде всего, критику «больших нарративов» (Лиотар), то классификация наук предстаёт в виде концепта, характеризующего мышление как «метафизическое» и «онтологическое». Следовательно, постструктуралистская «классификация» есть, прежде всего, критика не эмпирической классификации, а возможности классифицирования как такового. Классифицировать означает создавать иерархии сущностей объектов, демонстрировать гармонию Природы и Разума. Постструктурализм противопоставляет структурному неструктурное, бытию – становление. Однако сам этот уровень неструктурного оказывается беден. Смыслоразнозначные установки постмодернизма чётко не прояснены. Пытаясь сохранить приоритет неструктурного, но предпочитая концепцию социально-исторического бытия ницшеанскому становлению, Касториadis возвращает философию к проблеме *смысла*. Классификационные исследования оказываются возможны только при условии проблематизации смысла мышления, знаний и науки.

Список литературы

1. Бакеева Е.В. Инкарнация мысли: постструктурализм в контексте идей М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 154 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель, 2010. Т. 2. 895 с.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. под ред. В. Лапицкого, СПб: Академический проект, 2000. 428 с.
4. Касториadis К. Воображаемое установление общества / пер. с франц. Г. Волкова, С. Офертаса. М.: «Гнозис»-«Логос», 2003. 480 с.

5. Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз Маркса о науке будущего. М.: «Мысль», 1985. Т. 3. 545 с.
6. Лазарев С.С. Памяти С.В. Мейена: о философских основаниях науки // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М.: ГЕОС, 2007. С. 67–83.
7. Лакан Ж. Функция и поле языка и речи в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского Университета 26 и 27 сентября 1953 г. / пер. с франц. А.К. Черноглазов. М.: «Гнозис», 1995. 185 с.

**PHILOSOPHICAL PROBLEM OF KNOWLEDGE
CLASSIFICATION:
CLASSIFICATION THEORY VS POSTSTRUCTURALISM**

S.A. Gashkov

Baltic State Technical University «Voenmeh» named after D.F. Ustinov, St-Petersburg

The article raises the question of the classification of knowledge as a philosophical problem, and compares some of the approaches that take place in the philosophy of science (Kedrov, Meyen) with the approaches prevalent in French epistemology (Goblot, Meyerson, Canguilhem), and especially «post-structuralism» of the second half of the twentieth century (Barthes, Derrida, Deleuze, Lacan, Foucault, Castoriadis). The author comes to the conclusion that the classification in the history of philosophy is present in several interconnected senses: the classification of sciences, the critical concept of «classification» and the classification (periodization) of philosophical thought itself.

Keywords: *philosophical problem of classification of knowledge, philosophy of science, French poststructuralism.*

Об авторе:

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики (Р7) ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «Военмех» им Д.Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 7167-0081, ORCID ID: 0000-0002-2075-8180, e-mail: sgachkov@hotmail.com

Author information:

GASHKOV Sergey Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Ustinov Baltic State Technical University “Voenmekh”, Sankt-Peterburg, Russian Federation. E-mail: sgachkov@hotmail.com